

— Жунцин?

Нет ответа.

— Пушистик?

По-прежнему тишина. Вероятно, за день тот так вымотался, что уснул, стоило лишь расслабиться.

Суй Джоу подошел, поставил чашку с лапшой на стол и тихонько потряс Тан Фана.

Тот что-то пробормотал, слегка шевельнулся и продолжил спать.

Суй Джоу ничего не оставалось, кроме как взять его на руки и отнести на кровать.

Стоит заметить, выглядел спящий господин Тан весьма привлекательно. Он не храпел и не имел прочих дурных сонных привычек, как другие мужчины. Не разваливался на всей кровати, стоило лишь уснуть, а аккуратно складывал руки на животе и крепко спал, закрыв глаза.

Суй Джоу долго глядел на него с легкой улыбкой в уголках губ.

В свете свечи на стене лежали две тени.

Стоящая наклонилась и медленно приблизилась к лежащей.

Вскоре обе тени почти слились в одну.

На самом деле это была лишь игра света.

Как раз в тот момент, когда их губы должны были соприкоснуться...

Тан Фан перевернулся, небрежно провел рукой по своему боку, нащупал одеяло и дважды перекатился, завернувшись в него, как в рулетик. Оказавшись лицом к стене, он продолжил крепко спать.

Суй Джоу: "..."

Он проснулся или нет?

Суй Джоу потянулся и ткнул Тан Фана в лицо.

Из-под одеяла виднелась лишь голова последнего.

Тот даже не шевельнулся.

Суй Джоу потер мочку его уха.

Казалось, Тан Фану стало щекотно, но его руки были завернуты в одеяло, из-за чего ему было не шевельнуться. Он мог лишь слегка нахмурить брови. Лицо его приняло несколько растерянное выражение.

Если бы Тан Фан притворялся спящим, то давно бы проснулся.

Кажется, он действительно спал.

Суй Джоу тихо вздохнул, задул свечу, закрыл окно и ушел, забрав с собой лапшу.

Проснувшись рано поутру, Тан Фан принюхался и уловил витавший в воздухе слабый запах.

Растерявшись, спустя какое-то время он наконец начал вспоминать.

Прошлой ночью...

Кажется...

Суй Джоу приготовил ему чашку лапши?

... И где же она?

Он не помнил, чтобы ел ее.

Потирая глаза, господин Тан попросил слугу принести воды и, умывшись, направился к соседней двери. Постучал.

Вскоре дверь распахнулась.

Перед его глазами предстал Суй Джоу.

Встретившись с ним взглядом, Тан Фан очень удивился:

— Плохо спал ночью?

Видеть Суй Джоу таким было необычно.

Однако два темных мешка под его глазами были настоящими.

Суй Джоу вздохнул, развернулся и отправился умываться.

Тан Фан с улыбкой последовал за ним:

— В чем дело? Расскажи мне, я тебе помогу!

— Переел.

— ... А?

— Я приготовил тебе лапшу. Но ты не съел ее, потому что уснул. Я сам ее съел.

Тан Фан внезапно вспомнил о том, что произошло ночью.

— Извини, – смущенно рассмеялся он. – Я слишком устал вчера. Сидел-сидел и уснул, позабыв обо всем.

“Угу, уснул и завернулся рулетиком”, – подумал Суй Джоу.

— После того как я съел лапшу, у меня заболел живот. Спал плохо.

Теперь Тан Фан почувствовал себя действительно виноватым:

— Я отведу тебя к доктору!

Но разве доктор не разоблачит его?

— Не нужно, – Суй Джоу и бровью не повел. – Я просто прилягу.

Но, чем невозмутимее он выглядел, тем более виноватым чувствовал себя Тан Фан.

Суй Джоу ходил на кухню готовить посреди ночи только ради него, однако Тан Фан не съел лапшу, обесценив его тяжелый труд. А потом у того еще и живот болел, от чего он спать не мог всю ночь.

Подумать только! Как бесчеловечно!

Чувство вины, разлившееся в груди господина Тана, кажется, почти достигло небес.

— Нет! Давай сначала сходим к врачу. Идти можешь? Мне помочь тебе? – Тан Фан выглядел ужасно обеспокоенным.

— Не нужно, я не хочу никуда идти. Просто полежу немного.

— Хорошо, тогда ложись. Я велю принести воды и приготовить кашу с парочкой легких блюд. Если болит желудок, их можно поесть.

Сказав так, Тан Фан потащил Суй Джоу в кровать, заставил лечь, укрыл одеялом, а затем наконец вышел, чтобы раздобыть еды, и вернулся с тарелкой каши.

Суй Джоу хотел было подняться, но Тан Фан поспешил остановить его:

— Лежи, не двигайся! Я тебя покормлю!

Суй Джоу тотчас вспомнил, как Тан Фан поил его отваром после того, как они покинули гробницу гунского князя. Тогда чаша оказалась опрокинута ему на лицо.

Суй Джоу: “...”

О таком не забудешь.

“Пользоваться благосклонностью красоты – дело нелегкое. Древние не лгали мне”.

— Забудь. Я сам поем. Просто посиди со мной.

Господин Тан, очевидно, тоже помнил о том, что произошло, когда он поил его отваром, однако был слишком толстокожим человеком, так что лишь со смехом передал чашку с кашей Суй Джоу.

Суй Джоу сделал глоток. Не горячая, в самый раз. Он сделал глоток побольше и в три щелчка навернул всю чашку, не задумываясь.

А затем наткнулся на удивлённый взгляд Тан Фана.

— Разве у тебя не болит живот? Как ты можешь так быстро есть?

Суй Джоу: “...”

Кажется, его снова раскрыли.

— Все в порядке, – он невозмутимо отставил чашку в сторону. – Когда желудок полон, гораздо лучше, – и решил сменить тему: – Теперь, когда ключевые улики найдены, мы должны поторопиться и вернуться в столицу. Ты больше не чиновник Министерства Наказаний, да и в Цензorate в должность не вступил, а уже вмешался в дело, полномочий на ведение которого у тебя нет. Не стоит давать другим повода для нападок на новом месте.

Внимание Тан Фана было благополучно переключено. Он кивнул и ответил:

— Я передам дело Ху Ханьиня магистрату Вэну. Благодаря найденной зацепке оно будет раскрыто. Хоть доказательств того, что Вэй Цэ убил свою жену и нет, репутация семьи Вэй сильно пострадает. Они породнились с семьей Хэ. Надеюсь, господин Хэ не решит, что я намеренно нацелился на них из-за Хэ Линя, ведь моя сестра все еще номинально считается членом семьи Хэ.

— Не решит, – покачал головой Суй Джоу. – Выслуживаться перед тобой уже поздно, но и обижать тебя он не посмеет.

Тан Фан тоже думал об этом. В отличие от Хэ Линя, старик Хэ был из тех, кто способен взвешивать все за и против. Даже если недоволен Тан Фаном, он никогда этого не покажет. Кроме того, дело Вэй Цэ не имело никакого отношения к госпоже Вэй. Многие начнут осуждать ее, но Хэ Ин ни за что не позволит Хэ Сюаню бросить ее, иначе на семью Хэ падет тень подозрения, что те оставляют своих членов в беде.

Во время их разговора пришел Цянь Сан-эр и доложил, что окружной магистрат Вэн снаружи просит их о встрече.

Тан Фан велел передать, что встретится с ним в главной зале внизу, а затем обратился к Суй

Джоу:

— Если болит живот, лежи и не ходи никуда. Велю Цянь Сан-эру позже принести тебе обед.

— Ступай, - кивнул Суй Джоу.

Тан Фан спустился к магистрату Вэну.

Тот выглядел хмурым, поскольку улики никаких не нашел:

— Господин, Янь Ли отправил сообщение, в котором говорится, что после конфискации имущества семьи Ху часть его была передана магистратом префектуры Дамин Вэй Цэ на основании того, что тот был приемным сыном Ху, а его жена - жертвой Ху Ханьиня. С помощью этого капитала Вэй Цэ и смог сколотить состояние. Деньги попали к нему законным путем, так что в качестве улики использоваться не могут.

Тан Фан рассказал ему о выводе про левшу и правую руку, к которому он пришел прошлой ночью.

Услышав это, окружной магистрат Вэн тотчас просиял, его печаль вмиг улетучилась:

— Господин так мудр! С такими доказательствами Вэй Цэ не сможет ничего отрицать!

Тан Фан был настроен не столь оптимистично:

— Это в лучшем случае доказывает лишь то, что убийца не отец госпожи Ху. Того, что смерть госпожи Чжан имеет какое-либо отношение к Вэй Цэ, мы доказать не в силах. Госпожа Ху убила младенца Вэй. И это факт. Ее отца оправдать можно, а вот ее нет. Хоть мы и знаем, что смерть госпожи Чжан, вероятнее всего, связана с Вэй Цэ, он никогда в этом не признается.

Подумав об этом, магистрат Вэн тяжело вздохнул:

— Госпожа Ху должна быть удовлетворена и тем, что мы восстановим доброе имя ее отца. Мы сделали все возможное. Теперь окружающие узнают, что Вэй Цэ лицемер, предатель и непорядочный человек!

— Составь отчет о деле. Я поддержу его. Так мы сможем привлечь внимание Двора. Приговор Ху Ханьиня пересмотрят. При жизни он совершил много хорошего, а умер вот так, так что заслуживает почестей. Я буду просить за него.

— Не слишком ли хлопотно? - засомневался магистрат Вэн.

— Ничуть, - покачал головой Тан Фан. - В противном случае, мы не встряхнем народ. Будет уроком для чиновников, что рассматривают дела спустя рукава.

Все его речи о помощи не были пустой болтовней. Тан Фан теперь был цензором, что позволяло ему поднимать волны без ветра. Придираться и осуждать людей было его обязанностью, не говоря уж о таких страшных делах, как преступление Вэй Цэ.

Если магистрат Вэн раскроет дело двадцатилетней давности, Тан Фану нужно будет лишь обратиться ко Двору, чтобы поддержать его доклад. Вполне возможно, что столь странное и запутанное дело привлечет внимание цензоров, которые целыми днями сидят без дела.

Госпожа Хэ мстила за своего отца, и хоть Тан Фан и считал, что она не должна была убивать невинного младенца Вэй, в то время ее сочли бы почтительной дочерью. Подобная характеристика склонила бы судей на ее сторону, а также помогла бы очистить имя ее отца.

— Как только весть об этом деле распространится, оно потрясет Поднебесную. И вы получите известность, — обратившись к магистрату Вэну, Тан Фан подчеркнул: — Но ты должен помнить одну вещь.

С самого приезда в округ Сянхэ Тан Фан вел себя дружелюбно и не превозносился. Это был первый раз, когда он говорил с поучающими нотками в голосе.

— Господин, пожалуйста, продолжайте, — поспешил торжественно отозваться магистрат Вэн.

— Хоть госпожа Ху и заслуживает сочувствия, младенец Вэй был невинен. Ты не можешь игнорировать то зло, что сотворила госпожа Ху, только потому, что хочешь оправдать ее отца. Эти две вещи не противоречат друг другу. Столичные цензоры могут начать обвинять без разбору, поскольку не занимались расследованием, простые люди могут принять понравившуюся сторону, потому что не знают всей правды, но ты, ответственный за дело чиновник, должен оставаться беспристрастным и настаивать на справедливости. Хоть Вэй Цэ и достоин порицания, для того, чтобы осудить его, нужны весомые доказательства. Более двадцати лет назад именно из-за недалекости магистрата префектуры Дамин несправедливо умер отец госпожи Ху. Не повторяй его ошибок!

— Этот скромный чиновник будет действовать беспристрастно и останется непредвзятым, — поспешил с уважением заверить его магистрат Вэн.

Тан Фан тотчас улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Цзымо, в первую половину жизни тебе не везло с карьерой. Я верю, это было лишь испытание Небес. Многие в этом мире добиваются высот спустя длительное время. Надеюсь, придет день, когда облака над твоей головой рассеются и твоим глазам предстанет голубое небо!

Магистрат Вэн улыбнулся ему в ответ:

— Этот скромный чиновник благодарит господина за добрые слова!

Дело было сделано, больше Тан Фану нечем было помочь. Со способностями окружного магистрата Вэна проблем больше не должно было возникнуть. Если бы Тан Фан остался в округе Сянхэ, только лишних хлопот магистрату бы доставил.

Как и ожидалось, магистрату Вэну удалось отыскать слугу, прежде служившего Ху Ханьиню, который подтвердил, что его бывший хозяин писал и работал левой рукой из-за паралича правой руки и плеча. Они были слишком слабыми, чтобы ранить кого-то, а значит, догадка Тан Фана и магистрата Вэна оказалась верна. Левша при убийстве бессознательно нанесет удар

левой рукой в правый бок жертвы.

Другими словами, отца госпожи Ху действительно несправедливо обвинили.

Он не убивал госпожу Чжан и не нападал на нее с целью изнасилования. Лишь из-за того, что госпожа Чжан умерла в его комнате от его ножа для резки бумаги, недалекий магистрат по глупости закрыл дело. По времени расследование совпало с волнениями в столице, из-за которых высшие чиновники не стали даже время на бумажки тратить – все это привело к столь вопиющей несправедливости.

Узнав обо всем, госпожа Ху не смогла сдержать слез, крича, что теперь дух ее отца на Небесах может упокоиться с миром.

Печаль, которой были наполнены ее рыдания, была способна растрогать каждого, кто их слышал, и заставить плакать каждого, кто их видел.

Услышав от магистрата Вэна, что это Тан Фан нашел ключ к разгадке, госпожа Ху трижды почтительно поклонилась тому и сказала магистрату, что знает, что за совершенное ею преступление смерти не избежать. Она не может отплатить господам за то, что те очистили имя ее отца, в этой жизни и надеется, что ей это удастся в следующей. После этого она продолжила спокойно ждать своей участи в тюрьме, молча, не произнося ни слова, несмотря на неоднократные визиты и расспросы со стороны ее сына.

Сочувствующий ее несчастью, магистрат Вэн специально велел тюремщикам не усложнять госпоже Ху жизнь, чтобы та могла спокойно дожждаться решения Двора.

Тан Фан же, в свою очередь, обсудив все с Суй Джоу и Тан Юй, выбрал день, попрощался со стариком Хэ и отвез свою сестру с племянником в столицу.

Отъезд Тан Юй и Хэ Чэна окружающим объяснили как непродолжительный визит в родной дом, однако из-за того, что слухи о разладе между Хэ Линем и его женой ходили уже давно, все знали, что произошло на самом деле. Друзья Хэ Линя снова начали издеваться над ним, что очень разозлило последнего, поэтому он просто разорвал с ними все связи и заперся в доме на несколько дней.

Однако, он, очевидно, все еще имел много предубеждений касательно Тан Фана, своего шурина. Во время отъезда вся семья Хэ вышла, чтобы проводить их. Лишь Хэ Линя нигде не было видно. Тан Фана и Тан Юй это не волновало, в то время как старик Хэ чувствовал себя несколько неловко и даже извинился перед Тан Фаном.

Слухи о деле семьи Вэй разлетелись по всему Сяньхэ и даже по соседним округам. Все – от чиновников и дворян до простого люда – обсуждали теперь этот странный случай.

По правде говоря, дело это состояло сразу из трех. Сначала жена Вэй Цэ и ее двоюродный брат убили младшую дочь Вэй, рожденную от наложницы, затем умер младший сын Вэй. Все думали, что на этом все закончится. Кто бы мог подумать, что после всего вскроется дело двадцатилетней давности? То, что казалось сложным и запутанным, было разрешено цензором Таном, который нашел подсказку в письме, написанном отцом госпожи Ху.

